

Ювелирный дом Европа славился изысканными изделиями, и этот необычный альбом, созданный с исключительным мастерством, явно наследовал его неповторимый стиль. Серебряное тиснение обложки мягко переливалось, оттеняя россыпь мелких рубинов, изумрудов и опалов. Эскизы, выполненные рукой Хань Цзина, дышали благородной роскошью: каждая линия на плотных листах была выведена чистым золотом. Само же обручальное кольцо пряталось на последней странице, искусно вмонтированное в изображение двух полумесяцев. Если бы Хань Цзин сам не выдал свой секрет, Морис Норман ни за что бы его не заметил.

На душе у Мориса стало тепло, словно ее коснулось ласковое весеннее дыхание. Он бережно извлек двойное платиновое кольцо. Снаружи оно выглядело предельно лаконичным, без единого лишнего украшения, и лишь едва заметный стык выдавал его главную тайну: два ободка соединялись в одно целое, превращаясь в строгое, но изысканное обручальное кольцо.

Благодаря необычной двойной конструкции украшение весило без малого девять граммов — весомый, ощутимый подарок. На внутренней стороне ободков были выгравированы инициалы «М. N.» и «Н. J.», рядом с которыми тускло мерцали крошечные бриллианты — символы вечной любви. Хань Цзин действительно вложил в это дело всю душу. Он не просто угадал вкус Мориса, но и переплел в дизайне традиционные китайские символы: счастливое предзнаменование парности и священное число «девять», знаменующее вечность.

Хань Цзин все еще стоял на одном колене. Сжав ладонь Мориса, он подался вперед и мягко коснулся его губ. Почувствовав ответную нежность, он осторожно скользнул пальцами по его руке и, пока их поцелуй становился все более горячим и упоительным, медленно надел кольцо на безымянный палец левой руки Мориса.

— Я люблю тебя, Морис, — прошептал Хань Цзин. Его переполняли чувства, готовые соткать невидимую шелковую сеть и навсегда удержать возлюбленного рядом.

— И я тебя... — выдохнул Морис.

Чужое дыхание, ласковые прикосновения и жаркие воспоминания о недавней близости мгновенно пробудили в теле сладостную истому, которая лесорубным пожаром разошлась по венам. Проявляя непривычную для себя инициативу, Морис тихо попросил:

— Помоги мне снять мундир...

Хань Цзин на секунду опешил, глядя в его затуманенное страстью лицо. В постели Морис крайне редко брал инициативу в свои руки. Поднеся ладонь генерала к губам, Хань Цзин поцеловал кольцо, а затем устремил на него мягкий, умоляющий взгляд:

— Мы так долго вместе, но ты еще ни разу не раздевался передо мной сам...

— Обычно это делаю я.

— Сегодня такой романтичный вечер. Может, ты... сам?

Морис вскинул глаза, укоризненно и слегка сердито взглянув на него. Сердце Хань Цзина пропустило удар, и он поспешил замолчать, решив больше не искушать судьбу.

Однако Морис действительно уступил. Его длинные пальцы скользнули к воротнику, расстегивая одну за другой золотые пуговицы парадного мундира.

Серо-синяя ткань упала на деревянный настил террасы. В лунном свете ярко блеснуло золото генеральских погон.

Расстегнув ремень, Морис на миг замялся. Несмотря на то что они проводили вместе каждую ночь, он все еще не мог полностью избавиться от застенчивости под этим пристальным взглядом. Слегка нахмурившись, он отвел глаза и вполоборота к возлюбленному стащил рубашку, затем бледно-голубое защитное белье из тончайшего шелка и, наконец, брюки... Он освобождался от одежды медленно, заставляя Хань Цзина сгорать от нетерпения.

Эта едва уловимая скованность лишь сильнее разжигала страсть. Видеть, как обычно строгий, неприступный генерал уступает напору чувств, было невероятно волнующим зрелищем.

Оставаясь вполоборота, Морис сбросил последнюю одежду. Длинные золотистые волосы струились по его спине, прикрывая бледную кожу. Не оборачиваясь, он быстро спустился в окутанный густым паром бассейн с термальной водой.

Подсвеченная снизу теплая вода ласкала его тело, расходясь вокруг него нежными светящимися кругами.

Морис слегка напрягся, когда Хань Цзин обнял его со спины. Прижавшись к идеальным лопаткам, тот бережно опустил ладони на его округлившийся живот. Горячее, требовательное желание Хань Цзина уже заявляло о себе, готовое подчинить его своей воле.

— Нет, — выдохнул растерянный Морис и порывисто развернулся лицом к нему. Он не любил позу со спины — она лишала его контроля, заставляя полностью подчиняться чужой воле.

Хань Цзин с нежностью прижал его к себе. Заботясь о состоянии Мориса и используя выталкивающую силу воды, он усадил его на широкий пологий уступ у края бассейна. Эта скрытая под водой каменная платформа, размером почти с двуспальную кровать, была спроектирована по заказу Хань Цзина специально для близости лицом к лицу.

Согретые термальным источником, они растворились в объятиях и жадных поцелуях. Их тела переплелись так тесно, что между ними не осталось свободного пространства, пока волны нарастающего наслаждения уносили их все выше.

Морис терял контроль, медленно погружаясь в пучину экстаза. Он прерывисто дышал, содрогаясь всем телом от невыносимо острого удовольствия. В угасающем сознании вновь возникло странное чувство, будто он парит на головокружительной высоте, готовый сорваться в бездну. Это было блаженство, граничащее с падением, но где-то в самой глубине его существа бился тихий предостерегающий голос, умолявший не растворяться в этом сладостном забытии.

«Опасно...»

Эта мысль вспыхнула в его голове подобно молнии. Морис распахнул влажные, подернутые туманом зеленые глаза, в которых на миг промелькнула слабая искра разума. Но уже в следующее мгновение ее безжалостно захлестнула новая лавина экстаза, заставив его окончательно позабыть обо всем и кануть в омут безумного, опьяняющего блаженства.

Когда к Морису вернулись остатки сознания, он обнаружил себя лежащим в постели под балдахин. Его обнаженное тело согревали объятия Хань Цзина и легкое шелковое одеяло.

За распахнутыми дверями террасы все еще грохотал праздничный салют. Трудно было представить, сколько пиротехники заготовил Хань Цзин: один за другим снаряды с шумом взлетали в темные небеса, рассыпаясь над луной разноцветными искрами и проливаясь огненным дождем.

— Проснулся? — Хань Цзин улыбнулся, мягко перебирая влажные золотистые пряди его волос.

Он невольно подумал, что влияние Атлантиды становится все сильнее — Морис сделался невероятно чувствительным и после каждой близости надолго погружался в сладкую полудрему, с трудом возвращаясь к реальности.

— Угу, — сонно отозвался Морис.

Усталость и дремота сковали его тело, заставляя веки смыкаться сами собой. На негромкие расспросы Хань Цзина он отвечал невпопад, едва вникая в смысл.

— Могу я в эти выходные поехать с тобой в Санаторий Берлин? Ну же, Морис, можно? — осторожно, тщательно подбирая слова, спросил Хань Цзин.

— Хорошо... — вздохнул Морис, окончательно закрывая глаза.

Этот ленивый ответ заставил Хань Цзина лишь неопределенно покачать головой, хотя на самом деле он давно привык к подобному поведению. В последнее время, на поздних сроках беременности, Морис утомлялся гораздо быстрее. Напряженная дневная служба отнимала у

него все силы, и по вечерам он засыпал мгновенно и очень крепко.

Избавленный от служебных забот, Морис полностью расслабился и проспал до самого полудня, уютно укутавшись в шелковое одеяло. Когда он наконец открыл глаза, день стоял тихий и ясный, а лучи полуденного солнца заливали спальню теплым золотистым светом.

Опасаясь, что Морис может поскользнуться, Хань Цзин еще с утра велел убрать остатки вчерашних свечей и застелил полы мягким ворсистым ковром — от самой ванной комнаты мимо винтовой лестницы и до гостиной на первом этаже.

Одетый в легкую белую пижаму, с распущенными золотыми волосами и со следами легкой утренней неги на лице, Морис медленно спустился по ступеням.

Хань Цзин возился у плиты. Случайно обернувшись, он заметил Мориса, который стоял, прислонившись к дверному косяку, и с мягкой улыбкой наблюдал за ним.

— Помощница по хозяйству только что ушла, — Хань Цзин отложил нож и вытер руки. — Не стой здесь, иди лучше в гостиную. Я сейчас начну готовить рыбу-белку, боюсь, от запаха тебя снова начнет тошнить.

— Последние пару дней мне гораздо лучше, — Морис невольно коснулся живота. Сегодня его разбудили настойчивые толчки малыша.

— Правда? — Хань Цзин быстро вымыл руки, подошел и запечатлел на его губах долгий нежный поцелуй. Затем он опустился на колени, бережно прижал ладонь к выдающемуся округлому животу Мориса и, прислонившись щекой, тихо проговорил: — Ну наконец-то ты ведешь себя хорошо и даешь папе отдохнуть.

Морис на мгновение замер от этой неожиданной ласки. Глядя в открытое, сияющее нежностью лицо Хань Цзина, он лишь тихо вздохнул и позволил крепче обнять себя за талию.

— И все же уходи из кухни, здесь скоро будет слишком дымно, — Хань Цзин поднялся и легонько подтолкнул его к выходу. Он проводил Мориса до гостиной и устроил его на мягком диване у панорамного окна, выходящего на залитую солнцем террасу.

— На обед у нас будет рыба-белка, куриный бульон с шиитаке и мое первое кулинарное творение из западной кухни — стейк под сырной корочкой, — с гордостью перечислил Хань Цзин.

— Зачем так усложнять? — качнул головой Морис. — Выходные созданы для отдыха. Мы могли бы просто заказать еду из ресторана.

Хань Цзин прижался к его щеке губами, тихо рассмеявшись:

— Как можно? В выходные я обязан окружить заботой тебя и нашу дочку. Мне нужно хорошенько откормить тебя, чтобы у меня хватило смелости предстать перед тестем.

— Ты хочешь встретиться с моим отцом? — Морис вздрогнул, в груди у него тревожно забилося сердце.

Хань Цзин взял его за руку и коснулся губами кольца на безымянном пальце.

— Как говорится у нас в Китае, даже некрасивой невестке рано или поздно приходится знакомиться с родней мужа... Мы вернулись уже три недели назад, и долг велит мне нанести визит твоему отцу.

— Ты упоминал, что зрение генерала Гранта восстанавливается медленно. Наверное, сказывается возраст? — Хань Цзин поднялся и достал из шкафа красиво упакованную коробку с дорогим традиционным средством. — Я приготовил для него Кордицепс китайский. Вы, на Западе, возможно, относитесь к этому скептически, но на Востоке его целебные свойства известны тысячелетиями. Он прекрасно укрепляет пожилой организм. Его можно заваривать как чай, это совсем несложно.

— Удалось закинуть удочку? Сказать ему о нас? — осторожно спросил Хань Цзин. — Если сейчас неподходящее время, можем подождать. Но сегодня я хотел бы поехать с тобой в Санаторий Берлин и лично отвезти этот подарок. А там уже решай сам, стоит ли мне заходить.

Глядя на эти заботливые сборы и полную надежды улыбку, Морис, который уже несколько раз уклонялся от этой темы, не нашел в себе сил отказать. Помня о слухах, о которых упоминала Кэтрин, и о собственном сонном согласии, данном прошлой ночью, он на мгновение задумался, а затем мягко кивнул.

— Из-за проблем со зрением отец в последнее время сам не свой. Он вряд ли захочет видеть посторонних, — негромко проговорил Морис, когда они поднимались по широкой лестнице, окруженной цветущими кустами роз. Перед ними высилось строгое здание санатория Берлин.

— Понимаю, пусть все будет так, как ты решишь. Я поехал только ради того, чтобы тебе не пришлось таскать тяжести.

— Пакет совсем легкий. К тому же нет никакой гарантии, что отец вообще станет это принимать.

— Станет или нет — его право, но я обязан проявить уважение, — с улыбкой отозвался Хань Цзин, хотя внутри у него все сжималось от волнения. Сын унаследовал характер отца: если Морис отличался стальной волей, то генерал Грант казался и вовсе негибачимым кремнем.

Хань Цзин до сих пор отчетливо помнил его ледяной, оценивающий взгляд при их единственной мимолетной встрече.

Лицо Мориса оставалось замкнутым и бледным. Даже пышное цветение роз, колыхавшихся под теплым весенним ветром нежно-розовыми волнами, не могло разогнать тучи у него на душе. Он слишком хорошо представлял, какой ураган гнева обрушится на него рано или поздно. Главное, чтобы отец выместил все на нем и не заставил Хань Цзина страдать.

Миновав парковый фонтан, они вошли в прохладный вестибюль санатория. Прежде Морис взлетал по ступеням, даже не сбив дыхания, но теперь он быстро уставал — тело налилось свинцовой тяжестью. Мягко отстранив руку Хань Цзина, попытавшегося поддержать его под локоть, он гордо выпрямил спину, отчего округлившийся живот обрисовался еще отчетливее.

— Все в порядке, мне не нужно отдыхать, — упрямо бросил Морис. — Подожди здесь, я схожу к лечащему врачу, расспрошу о состоянии отца. Чуть позже я вернусь за тобой.

Поразмыслив, он решил сначала поговорить с отцом наедине, чтобы разведать обстановку.

За окном колыхались алые и розовые бутоны роз, распустившиеся за минувшую неделю еще пышнее. Но чем дольше Морис слушал лечащего врача, тем сильнее леденело у него внутри.

— Зрение старого генерала восстанавливается отлично, он уже различает силуэты, — осторожно начал доктор. — Но сегодня он... не в духе. Генерал, когда пойдете к нему, будьте готовы к непростому разговору.

Врач подбирал слова очень деликатно. Прежде он не мог понять причин внезапных вспышек гнева Гранта: стоило лишь вскользь упомянуть, что сегодня приедет Морис, как старик начинал бушевать. Но теперь, увидев округлившийся живот высокопоставленного пациента, доктор сопоставил факты со слухами и о многом догадался.

Единственный сын, Четырёхзвёздный генерал, опора и гордость семьи, мало того что разделил ложе с иностранцем, так еще и вынашивает ребенка... Будь доктор на месте Гранта Нормана, он бы наверняка пришел в неопишущую ярость. Проводив взглядом Мориса Нормана, чья статная, несмотря на беременность, фигура скрылась за цветущей живой изгородью, врач со вздохом покачал головой. В этой осанке по-прежнему чувствовалась непреклонная сила обнаженного клинка.

Морис шел по аллее с каменным выражением лица. Худшие опасения подтверждались: отец, по всей видимости, уже знал о его положении. Если так, приезд Хань Цзина сегодня был роковой ошибкой. Но кто выдал тайну? Борьба за власть и подковерные интриги высшего командования, от которых Морис так тщательно оберегал свою личную жизнь, все-таки настигли его.

Генерал Грант Норман сидел у клумбы, выпрямив спину и уперев перед собой тяжелую трость.

Казалось, он просто нежится под весенним солнцем, однако вся его фигура по-прежнему дышала непререкаемым авторитетом боевого командира. Он походил на старого льва, дремлющего в засаде.

— Пришел? — глухо, не оборачиваясь, спросил Грант. Он всегда безошибочно узнавал шаги сына.

— Да, отец, — ответил Морис.

Едва он сделал шаг вперед, как воздух прорезал резкий окрик:

— Стой на месте!

— У тебя еще хватает наглости заявляться ко мне?! — сквозь зубы процедил Грант и, навалившись на трость, рывком поднялся на ноги. Он вскинул голову, силясь разглядеть сквозь пелену перед глазами силуэт сына, и закричал: — Ты хоть понимаешь, какие слухи ходят по штабу?! Ты растоптал имя Норманов! Смешал его с грязью! Как долго ты собирался скрывать это от меня?!

Морис нахмурился. Сомнений не осталось: кто-то намеренно донес отцу. Глядя на седину Гранта и его невидящие, воспаленные глаза, Морис не мог заставить себя спорить в открытую. Сердце сжалось от глухой вины — ведь он сам долго не мог примириться со своей участью, что уж говорить об отце, который возлагал на единственного наследника все надежды?

— Я не хотел скрывать это от тебя. Просто берег твое здоровье, — тихо произнес Морис.

— Берег мое здоровье?! Тогда зачем натворил то, от чего мне впору сквозь землю провалиться от стыда?! — Грант со злостью ударил тростью о брусчатку. Его гнев был страшен, но Морис с облегчением отметил, что старик хотя бы держится на ногах.

Морис не стал пререкаться. Сохраняя спокойствие, он твердо произнес:

— Мои отношения с Хань Цзином — наше личное дело. Зачем обращать внимание на чужие пересуды? Когда я сделаю следующий шаг в карьере и получу звание маршала, как ты всегда мечтал, оказавшись на самой вершине власти, у кого повернется язык упрекнуть меня? Ты ведь сам учил меня, отец: сплетни — вечные спутники борьбы за власть, но когда ты диктуешь правила игры, любые пересуды превращаются в пыль.

— Значит, ты все-таки пошел против меня?! — яростно перебил его Грант. Пальцы, сжимавшие набалдашник трости, побелели, на них вздулись вены. — Все, что болтают бездельники... правда?!

Глубоко вздохнув и готовясь принять на себя весь удар, Морис твердо ответил:

— Прости меня, отец. Но я люблю Хань Цзина. Мое решение окончательно, и я надеюсь получить твое благословение.

— Даже не думай! Выбрось эту дурь из головы! — рявкнул Грант, напрочь отвергая любую попытку примирения. — Пока я жив, я не позволю тебе связать жизнь с этим азиатом! Это позор для рода Норманов, осквернение вековой славы нашей семьи!

— Ты хотел скрыть все от меня?! Даже Шермана и Андрея привлек, чтобы они подготовили почву?! Да?! Я звонил им обоим — они лишь мямлили что-то невнятное, а под конец выдали, что кто-то из вас ждет ребенка! Это он, этот твой китаец, понес от тебя?!

Грант багровел от ярости, вспоминая нелепые слухи:

— Ты ради него расстарался! Думал, старые друзья замолвят за тебя словечко и размягчат меня?! Не выйдет!

Морис опешил. Стало очевидно, что даже государственный секретарь Андрей не осмелился раскрыть старому генералу шокирующую правду и предпочел переложить эту ношу на плечи самого Мориса.

— Что молчишь?! Сказать нечего?! — Грант грозно нависал над ним. Даже не видя сына отчетливо, он излучал сокрушительную ауру боевого офицера. — Я предупреждал тебя: я никогда его не приму! Я не допущу, чтобы черноволосый чужак осквернил кровь Норманов! В этом вопросе уступок не будет!

<http://bllate.org/book/19677/2006476>